

Собор всех русских святых

*Икона письма монахини Иулиании
(Троице-Сергиева Лавра)*

К статье В. А. Никитина «Русское благочестие и святость»

БОГОСЛОВСКИЕ ТРУДЫ, 27

Материалы к 1000-летию Крещения Руси

В. А. НИКИТИН (Москва)

РУССКОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ И СВЯТОСТЬ

Ты святися, наша мати — Земля Святорусская!
На твоём ли просторе великом, на твоём ли раздолье широком
Трудаются святые угодники, подвизаются верные подвижники..

Вяч. Иванов

В христианстве, религии целостного спасения всего человечества и всего мира (новое Небо и новая земля), высшим подвигом является подвиг любви, сердце милующее, разгорающееся «жалостью ко всей твари» (преподобный *Исаак Сирин*), одним словом, — подвиг святости, как пребывания в Боге.

Боговоплощение и Искупление дают нам возможность внутреннего очищения и духовного возрастания, принятие искупительного подвига Спасителя служит источником веры в обожение всего человеческого естества, дабы нам соделаться «причастниками Божеского естества» (2 Пет. 1, 4). К идеалу обожения (теозиса) в условиях земного пространства и времени наиболее близко подходят святые. Этот идеал — духовный идеал всего христианства, как Восточного, так и Западного. С предельной краткостью и ясностью он выражен святителем Афанасием Великим: «Бог воцеловечился, чтобы человек обожился» (*Минь*. Патрология Греческая, т. 25, с. 192).

Онтологической основой для теозиса является то, что человек создан по образу Божию (Быт. 1, 27). После искупительного подвига Христова «человек может стать по благодати Божией тем, что Бог есть по существу» (преподобный *Максим Исповедник*. — *Минь*. Патрология Греческая, т. 90, с. 1024).

Лишь после пришествия Христа, — подчеркивает протонерей *Сергий Булгаков*, — стали ясны непреходимое расстояние между Христом и теми, которые Христовы (Гал. 5, 24), так же как и близость их к Нему. «Догматическое основание для почитания святых в этой связи именно и заключается. Церковь есть тело Христово, и спасающиеся в Церкви получают силу и жизнь Христову...» (17, с. 260).

Сошествием Святого Духа на апостолов в день Пятидесятницы окончательно утверждена Церковь Христова, пребывая в которой верующий усваивает благодатные дары совершенного Господом спасения (1 Тим. 4, 10). Благодатно возрождая, освящая и усовершая верующего, содейвая его наследником и причастником вечной жизни в общении с Богом, христианство является основанием нравственности, началом всякого личного благочестия и святости. «Святые суть те, кто подвигом своей действительной веры и деятельной любви осуществили в себе свое богоподобие и тем явили в силе Божий образ, чем и привлекли к себе изобильную благодать Божию. В этом очищении сердца подвигом души и тела вообще и заключается путь спасения каждого человека...» (17, с. 261).

Укоренившись на Руси в X веке, христианская вера нашла здесь самую благоприятную почву. Дух Православия как нельзя более соответствовал *духовному радикализму* русской души, ее широте и открытости, ибо перед ней, не скованной нормами европейской цивилизации, ничто не заслоняло реальности Бога. «В русской душе Царство Божие не наталкивалось ни на одно из тех стремлений к омирщению, которые так мощно сказывались в сложившемся под римским влиянием западном мире. Русские не знали ни восточного деспотизма, ни культа императора, ни культа государства» (16, с. 12—13).

В то время как западный человек привык дорожить своим социальным положением, соответственно с жизненными удобствами, русскому человеку, даже знатного происхождения, такой «конформизм» был совершенно не свойствен. Бескрайние просторы русской земли, суровый климат, незащищенность от набегов кочевников — все это порождало некую метафизическую настроенность, говорило о преходящем образе

сего мира, содействовало устремленности к горнему. Православие дало верную направленность этим стремлениям, соединив их с жаждой «нового Неба и новой земли», Царства Божия на земле, преобразования жизни и грядущего ее преображения.

Идеал святости стал для русского человека высшим моральным идеалом, воплощением непреходящих духовных ценностей.

В результате возникла самобытная *духовная традиция*, освятившая жизнь русского народа, его национальное и государственное бытие. Эта традиция охватывает все проявления религиозной жизни: богослужение, молитву, почитание икон, культ святых, благотворительность, странничество, старчество. Эту традицию, пожалуй, можно определить одним словом: *благодетельство*.

К середине XVI века, судя по «Книге, глаголемой Домострой...», составленной священником Сильвестром, правила благодетельства сложились в основательный свод (63 главы)*. «Домострой» содержит наставления в вере и благодетельстве, правила житейского благоразумия, основанные на православной вере и простирающиеся вплоть до регламентации домашнего обихода. «Домострой» отнюдь не был символом консерватизма и домашнего произвола, его назначение определялось православным осмыслением божественного Домостроительства. Этот памятник завершил собой ряд духовно-назидательных произведений русской средневековой литературы, начатый в XI веке «Изборником» князя Святослава и блестяще продолженный Владимиром Мономахом в его знаменитом «Поучении» в начале XII столетия. Много места занимают в «Домострое» апология смирения и терпения, осмысление сущности христианского подвига — просветленного принятия креста и страдания.

Другой сборник духовных поучений — «Измарагд» — был более распространен в Древней Руси, чем «Домострой», а впоследствии стал любимым чтением у старообрядцев. Акад. Д. С. Лихачев обращает внимание на особое значение этих памятников в формировании нравственных идеалов Древней Руси, а также на аскетическую литературу, посвященную безмолвию и «умной молитве». «Огромная роль в создании этих идеалов принадлежит литературе исихастов, идеям ухода от мира, самоотречения, удаления от житейских забот, помогавшим русскому народу переносить его лишения, смотреть на лицо и действовать с любовью и добротой к людям, отвращаясь от всякого насилия» (21, с. 58).

Все эти качества являются неотъемлемой частью русской духовности и благодетельства, как неоднократно отмечалось многими исследователями. «Русский народ — один из тех немногих народов, которые любят сущность христианства, крест, — писал французский историк *Леруа-Волье*, — он не разучился ценить страдание; он воспринимает его положительную силу, чувствует действительность искупления и умеет вкушать его терпкую сладость» (цит. по: 16, с. 11).

Сравнивая жизнь русских православных верующих с жизнью инославных христиан, мы видим характерные особенности русского благодетельства — телоту и искренность веры, дух единомыслия и соборности, особую чуткость к лику страждущего Христа:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Ф. Тютчев

Видимые проявления благодетельства — молитва, добрые дела (милостыня) и самоограничение (пост) — находят свое выражение в душевной отзывчивости, смирении и милосердии. Кто не молится Богу, не помогает людям и не исправляет своей природы воздержанием, тот чужд всякой религии — так учат и наставляют многие духовные писатели. «В соединении молитвы, милостыни и воздержания действует единая благодать Божия, которая не только связывает нас с Богом (в молитве), но и уподобляет нас Божеству — всеблагову (в милостыне) и ни в чем не нуждающемуся (в воздержании). Молитва, милостыня, то есть делание добра, пост — вот основные обязанности христианина: «Молись Богу с верой, делай добро людям с любовью и побеждай свою природу в надежде будущего воскресения» (14, с. 66).

К этому необходимо добавить слова, сказанные великим русским святым *Серафимом Саровским* († 1833): «Пост, молитва, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши сами по себе, однако не в делании лишь только их состоит

* См.: Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985, с. 70—173.

цель нашей жизни христианской, хотя они и служат средствами для достижения ее. Истинная цель жизни нашей христианской — есть стяжание Духа Святого Божьего. Пост же, бдение, молитва, милостыня и всякое Христа ради делаемое добро — суть средства для стяжания Святого Духа Божьего» (10, с. 5).

Кто проводит жизнь добродетельную, «во всяком благочестии и чистоте», со страхом Божиим и хранением своей совести, соблюдая заповеди Господни, тот неизменно достигает плодов духа, по слову апостола: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5, 22).

«По достижении таких плодов христианин хотя и несет труды и подвиги благочестия по-прежнему, но эти труды для него легки и отрадны по причине благой надежды и помощи свыше от благодати Божией» (иеромонах *Амвросий Оптинский*).

Таким образом, личное благочестие не является для православных верующих самоцелью, но должно служить средством для духовного обновления, для рождения нового человека, — рождения свыше: «Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Ин. 3, 3).

Лишь при таком условии можно поставить знак равенства между благочестием и подлинной духовной жизнью — жизнью ума, направленного к созерцанию Бога, жизнью сердца, преисполненного любви к людям, и жизнью воли, свободно устремленной к утверждению личности в Добре и Красоте.

«...Православие есть первым долгом любовь к красоте, христианство, понятое как умная красота и духовное художество, и все направленное к его взысканию. Любовь к этой красоте требует, чтобы вся жизнь была пронизана этой красотой — и это и составляет суть Православия» (протоиерей *Сергий Булгаков*).

Красоту православного богослужения, православных таинств и обрядов нельзя выразить словами, ее надо чувствовать и переживать. «Вне Церкви живущему непостижимо ни Писание, ни предание, ни дело. Внутри же Церкви пребывающему и общенному к духу Церкви единство их явно по живущей в ней благодати» (*А. С. Хомяков*). Не случайно русские верующие люди больше, чем кто-либо, дорожат обрядовой стороной церковной жизни. Эта привязанность к обрядам не есть лишь одно «обрядоверие». Скорее интуитивно, чем сознательно, простые русские верующие, не сведущие в богословских вопросах, угадывают, что обрядность имеет живое и непосредственное отношение к догматам христианской веры, более глубокое, чем это представляется рационалистам или инославым. Действительно, некоторые обрядовые действия (например, троекратное погружение в воду с призыванием Имени Святой Троицы в Крещении, возложение рук в хиротонию и др.) неотъемлемы от соответствующих таинств, и потому святые отцы Церкви называют их «догматами от предания». По существу, все вообще обрядовые действия и предметы, освященные издревле традиционным употреблением в Церкви, являясь по вере нашей благодатствованными (см. 7). Ибо Святая Церковь обладает ключами от Царствия Небесного, она живет не только земной, но и сверхприродной жизнью — божественной и благодатной. Видимое проявление этой жизни содержится в церковных таинствах, невидимое — во внутренней жизни Церкви, в дарах Духа Святого, одним из которых является дар молитвы.

Молитва служит прежде всего выражением веры и любви к Богу. «Вера без дел мертва, а молитва есть первое дело и начало всякого истинного дела» (14, с. 32). Молитва есть дыхание нашей души, без нее душа «усыхает», подобно тому как умирает тело без воздуха. В молитве верующий не только просит, но как бы беседует с Богом, с Его Пречистой Матерью, со святыми угодниками Божиими, со своим ангелом-хранителем.

Господь Иисус Христос в беседе с самарянкой сказал, что верующие должны поклоняться Отцу в духе и истине (Ин. 4, 23). Вот основной принцип христианской молитвы, образом же ее является Молитва Господня, преподанная апостолам Самим Спасителем (Мф. 6, 9—13) — излюбленная молитва русского народа.

Эта молитва, общая для всех христиан, состоит из призывания, семи прошений и славословия. Она научает верующих молиться о пришествии Царствия Божия, которое должно преобразить физический план бытия, о насущном хлебе на сегодня, потребном до той поры. Все остальное приложится в меру нашего милосердия и благочестия.

Последнее прошение молитвы — об избавлении от источника всякого греха — дна-вола, который может погубить не только тело, но и душу (Мф. 10, 28).

Молитва завершается торжественным славословием власти, силы и славы Божией, в котором выражена ясная уверенность, что все просимое дано будет нам по любви Небесного Отца. Подобные славословия входят во многие другие православные молитвы, среди них есть и сугубо благодарственные: «Хвалите Имя Господне», «Слава в вышних Богу», «Тебе, Бога, хвалим» («Te, Deum») и другие, не говоря уже об *акафистах* — особой форме благодарственных церковных песнопений.

В православном быту различаются два вида молитвы: 1) частная, домашняя (ке-лейная) и 2) молитва церковная, общественная. Обе они угодны Богу и благословенны, у каждой из них свои характерные черты и особенности.

Дома, в кругу семьи, православный христианин и поныне не сядет за трапезу, не помолившись перед вкушением пищи. Обычай такой молитвы связан с воспоминанием о чуде умножения хлебов в пустыне, совершенном Спасителем (Мф. 5, 13—21. Поучительно то, как Господь приступил к насыщению народа: «Воззрев на небо, благословил»,— повествует Евангелие (Мк. 6, 41). Таким образом, этой благочестивой и чудесной трапезе предшествовало обращение к Отцу Небесному, прославление Его, одним словом,— молитва. Ибо все, что мы получаем,— все от Бога; кто помнит Бога, тот не может забыть о Нем, пользуясь Его дарами, тот всегда найдет время для молитвы, несмотря на «современные ритмы» жизни, хотя бы с ним никто не молился. Такая молитва освящает трапезу, «делает пищу не только полезною, но и приятною... и самое простое неизысканное кушанье становится приятнее, сладостнее, чем роскошные яства» (Священник *Шумов*. Обычай молиться пред вкушением пищи. М., 1902, с. 12). Только тот, кто приучил себя к постоянной домашней, сосредоточенной и проникновенной молитве, может по-настоящему участвовать в молитве церковно-общественной, когда среди молящихся незримо присутствует Сам Христос: «Ибо где двое или трое собраны во Имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18, 20). Совместная молитва в церкви скорее будет услышана Господом,—учил святитель Иоанн Златоуст: «Во время общественной молитвы не только люди возносят гласы свои, но и ангелы припадают к Владыке, и архангелы молятся...»

Обращение в молитве на Восток—древний православный обычай, восходящий к апостольским временам, ибо в Священном Писании Господь именуется Востоком свшше (Лк. 1, 78) и Солнцем Правды (Мал. 4, 2).

Изысканным приемом в православной молитве является духовное сосредоточение, аналогичное концентрации в молитве у западных подвижников.

Св. Иоанн Кассиан († 435) сравнивает человеческий ум с легким перышком или пухом, который, если не омочен посторонней жидкостью, легко возносится при самом слабом дуhanии ветра. «Так и ум наш, если не будет обременен прищлыми страстями и заботами мирскими и поврежден влагою пагубной похоти, при самом легком веянии духовного размышления возвышается горё и, оставляя долнее и земное, уносится к небесному и невидимому» («Добротолюбие», т. 2. М., 1884, с. 138).

Есть особая традиция молитвенного делания, которая получила в Православии название *умной молитвы* или *молитвы Иисусовой**. Эта традиция восходит к эпохе первоначального христианства, в России она была возрождена святителем Тихоном Задонским (1724—1782) и старцем-подвижником Паисием Величковским (1722—1794). Умная молитва заключается в непрестанной внутренней памяти о Господе Иисусе Христе и в призывании Его святого Имени: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». Упражнение в Иисусовой молитве может сопровождаться некоторыми внешними приемами, например, совершаться в положении, когда голова склонена на грудь и все внимание сосредоточено на *низведении ума в сердце*. Упражняясь в Иисусовой молитве, молящийся погружается в безмолвие (исихазм): «Сначала должно творить молитву Иисусову голосом, то есть устами, языком и речью, вслух себе одному. Когда насытятся уста, язык и чувства молитвою, произносимую гласно, тогда гласная молитва прекращается и начинается она произноситься шепотом... сама собой переходит в умную... а от умной является молитва сердечная» («Настольная книга священнослужителя», т. 2. М., 1978, с. 795).

Так, по мере духовного совершенствования подвижники постепенно приходят к созерцанию нетварного Фаворского Света.

Преподобный *Исихий*, пресвитер Иерусалимский († ок. 433), развил учение о духовном *трезвении*, которое есть «путь всякой добродетели и заповеди Божией», «хранение ума в совершенном внимании и немечтательности», «чистота и безмолвие сердца».

Он учил, что духовное трезвение и молитва Иисусова взаимно входят в состав друг друга: «крайнее внимание— в состав непрестанной молитвы, а молитва— в состав крайнего в уме трезвения и внимания» («Добротолюбие», т. 2. М., 1884, с. 186).

Преподобный *Нил Синайский* обратил внимание на связь молитвы и богомыслия,

* См.: «Беседы о молитве Иисусовой». Изд. Валаамского монастыря. Сердоболь, 1938; Митрополит *Антоний (Блум)*. Школа молитвы; Св. *Григорий Палама*, архиепископ Солунский. О священнобезмолвствующих.— «Добротолюбие», т. 5. М., 1890, с. 314—324.

оставив знаменитое изречение: «Если ты богослов, то будешь молиться истинно; и если истинно молишься, то ты богослов» (там же, с. 226). Именно такое молитвенное богомыслие характерно для русского православного благочестия. Оно зиждется на всецелой преданности воле Божией.

По учению святых отцов, всякое внешнее добродетельное есть только цвет; плод же есть внутреннее духовное делание молитвы Иисусовой (5, с. 16).

Лучшими выразителями православного благочестия являются подвижники, которые достигли высшей степени духовного совершенства — святости. За свои подвиги они стяжали при жизни благодать Духа Святого и удостоились после кончины Царствия Небесного, где пребывают вместе с Самим Господом и Его Пречистой Матерью: «Там святые праотцы и патриархи, которые мужественно пронесли свою веру. Там пророки, которые прияли Духа Святого и своим словом призывали народ к Богу. Там апостолы, которые умирали за проповедь Евангелия. Там мученики, которые за любовь Христову с радостью отдали свою жизнь. Там святители, которые подражали Господу и несли тяготы своих духовных овец. Преподобные постники и юродивые Христа ради, которые подвигом победили мир. Там все праведники, которые соблюдали заповеди Божии и побеждали страсти» («Настольная книга священнослужителя», т. 2. М., 1978, с. 671).

Целью жизни для христианина является Богоуподобление, возрастание в «меру возраста Христова», по пути подвига к блаженству и святости, когда образ Божий, изначала данный, возрастает в подобие Божие. Исследуя это возрастание как стремление к Абсолюту, священник *Павел Флоренский* писал: «Бесконечное возрастание имеет свой тип, то есть функция стремится к бесконечности по-своему, особенно, не так, как другая... В этом смысле понятие о типе есть по преимуществу религиозное понятие: ни в одной области неуемное томление по сверх-данному, безудержное стремление к сверх-фактическому — «алчба и жажда правды», перерастающие, а затем и преобладающие всякую условность, не залегают так глубоко, — в самом ядре, — как в области Богообщения...» (8, с. 20—21).

В глубине совести каждый православный христианин страдает от своей удаленности от идеала святости и неизменно стремится к нему приблизиться. У всех христианских народов святость воплощает последование и подражание Спасителю. Обращение к русской святости, к ее истории и феноменологии исключительно важно для понимания и сохранения православного благочестия: «В русских святых мы чтим не только Небесных покровителей святой и грешной России: в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути... Их идеал веками питал народную жизнь; у их отца вся Русь зажигала свои лампадки» (15, с. 5); «преодолевая все соблазны национальной гордости, решаемся сказать, что в древнерусской святости евангельский образ Христа сияет ярче, чем где бы то ни было в истории. Если бы нужно было одним словом определить господствующий тип русской святости, то мы назвали бы его церковным евангелизмом» (15, с. 233).

Говоря о трансцендентности святости для всего «только-человеческого», священник *Павел Флоренский* подчеркивал, что невозможно постичь суть святости методом умственного анализа, но «мы можем склонять колени пред нею, в несказанной радости плакать и благоговеть пред нею, или же, наоборот, противиться ей» (8, с. 27).

Через жизнь русских святых, через их подвижнические труды, через живое общение с ними верующего народа, через посмертное прославление и почитание святых мы приобретаем к миру «вечной незыблемой правды, зиждительной любви, творческого подвига, великих дел духа и свободы» (6, с. 73). В подвигах и заветах русских святых открываются сокровенные тайны славянского духа, тайны загадочной «русской души», ее стремлений, упований и совести, ее самобытного духовного горения: «Русский святой — не византийский святой и не сирийский; он и не латинский святой... Он именно русский. Этим мы хотим сказать, что он — сын особого народа, имеющего, как таковой, свое особое природное лицо и свой особый исторический путь, определенные его происхождением, его культурой и землей, на которой он живет» (16, с. 7).

Идеал святого, «Божьего человека», воплощенный русским народом на протяжении веков, заключается в полном и совершенном отсечении всякого своекорыстия, в полной самоотдаче Богу. На пути к святости подвижник погружается в совершенную тишину молитвенно-созерцательной жизни, направленной к искоренению всяких недостойных помыслов. Он побеждает мысли и желания, связанные с соблазнами славы и власти, богатства и чувственных удовольствий. Душа, свободная от земных привязанностей, подобна «выметенной горнице», готовой для принятия спасительной благодати.

«Святость вырисовывается как высшая прочность, неистребимая вечность и совершеннейшая красота... Вот почему в ней прославляются и сияют неожиданным блеском

как красивые, так и уроды, как целые, так и калеки, как здоровые, так и больные, как юродивые, так и гении» (12, с. 75).

Но русский святой устремлен не только к личному спасению. В своей келье, в затворе, в отдалении от людей он преисполнен участия к людям, он сострадает людям, молится о людях, призывая на них Небесную помощь и благословляя на подвиг, подобно Преподобному Сергию Радонежскому, великому игумену земли Русской. Как справедливо отмечает протоиерей Сергей Булгаков, — «русский аскетизм всегда исходит из мотива (не всегда осознанного) явить на земле Царство Божие... русский аскетизм не отрицает мир, но все объемлет; символом его является икона Богородицы на нивах (осеяющей сжатые снопы), стоявшая в келье старца Амвросия Оптинского».

Полная победа над своей самостью, подвиг святости дается только тому, кто до конца побеждает зло в себе, жалеет и любит всех людей. Подвиг этот так велик, что немощные духом готовы, вопреки очевидности, оспаривать и отвергать непреложную истину духовных откровений подвижников. Потому святые, столь богатые духовным опытом, обычно очень мало делятся этим опытом с людьми. «Подвижники предпочитают не столько наставлять людей, сколько молиться за них, воспринимая в своей душе душу каждого человека, кто бы он ни был. Подвижников не смущает мысль о том, что мир может отвергнуть их молитву и растоптать их любовь. Они, непоколебимо веруя в истину Христовых слов, знают, что любовь победит все» (К. Андроников). С этой точки зрения безусловно несовместимыми с истинным духом Евангелия должны быть признаны те западные извращения христианства, которые построены на предположении, что цель оправдывает средства, что можно привести мир ко Христу и к Его заповедям путем насилий («святая» инквизиция). Старец Силуан обращал внимание на запрет Спасителя ученикам, хотевшим свести огонь с неба на самарян, не принявших Господа: «Не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не погублять души человеческие, а спасти» (Лк. 9, 56).

Проникнутый этой мыслью, старец Силуан главное дело иноков видел в молитве за мир, ибо молитва, коренясь в безначальном Божественном бытии, имеет непреходящую духовную ценность. Поистине, мир держится на молитвах угодников Божиих, и глубоко права русская пословица: «Не стоит город без святого, а селение без праведника».

Замечательный русский мыслитель Н. Ф. Федоров, немало страниц посвятивший русской святости, считал главным в подвиге святых отсечение ими собственной воли, следование высшим предначертаниям, служение воле Божией.

Думать о каком-то сугубо естественнонаучном, без помощи благодати Божией, избавлении от грехов и смерти (что часто приписывают Федорову) — конечно же, утопия. Церковь Христова учит о том, что спасение уже совершилось — через Голгофскую Жертву и Воскресение Господа. Подвиг веры в это и подвиг жизни по заповедям Христовым — условие вхождения в спасенный сонм праведников, в общество «святых», под которым в христианстве подразумевается и земная Церковь как община. Именно об этом справедливо писал Н. Ф. Федоров: «... В служении Богу, в деле Божием, в Богослужении соединяется молитва с заповедями, «молитва же здесь разумеется такая, которая не желает Бога делать орудием нашей воли, а готова делать нас орудием воли Божией» (9, с. 3).

Жизнеописания русских святых нередко повествуют, как, вняв внутреннему зову, они выходят из своего уединения и безмолвия. Некоторые делают «странниками», совершают паломничества по святым местам, ходят по родной земле, утешая страждущих и взыскующих, обремененных, больных и жаждущих исцеления. Другие селятся где-нибудь поблизости от монастыря и становятся духовными наставниками прибегающих к ним людей, ищущих совета и утешения. Отсюда такое значительное явление в русской духовной жизни, как старчество, замечательными представителями которого были преподобный Серафим Саровский и подвижники Оптиной пустыни. Старицам, по общепринятому убеждению, нельзя солгать, грех что-нибудь недосказать. Часто они получают от Бога дар прозорливости и не просто советуют и наставляют, а повелевают сделать нечто спасительное для души, указуют путь к нравственному возрождению.

Молитва и пост, милостыня и труд, паломничество и странноприимство — вот характерные проявления русского благочестия и русской святости. Можно даже говорить об особой «трудовой аскезе» русских подвижников. Заметное место в их трудах занимает переписывание Священного Писания, богослужебных и богословских книг, занятия иконописью, производством церковной утвари, различными хозяйственно-бытовыми ремеслами. Среди русских святых мы видим и ученых богословов, как Авраамий Смоленский, Стефан Пермский, Дионисий Троицкий, и духовных писателей, как преподоб-

ные Иосиф Волоцкий и Нил Сорский, и выдающихся иконописцев, как преподобные Алимпий Печерский и Андрей Рублев.

Почитая святых угодников Божиих, которые за свою любовь к Богу и к людям и за свои великие подвиги удостоились обильной благодати Святого Духа, православные исповедуют веру в то, что святые, пребывая в Царствии Небесном, могут ходатайствовать пред Богом за тех, кто живет на земле. К предстательству святых, как особых посредников между Богом и людьми, верующие русские люди прибегают постоянно, они возносят молитвы у иконописных изображений святых, у их святых мощей, и неизменно получают подтверждения действенной духовной помощи свыше.

Воистину, не стоит город без святого, а селение без праведника... И действительно, почти в каждом городе известны имена местно чтимых святых, покровителей данной местности. Кроме того, есть особо чтимые святые, которым русские верующие молятся при различных обстоятельствах. Так, например, во время болезни православные обращаются с молитвами о помощи к святому великомученику и целителю Пантелеймону. Святым мученикам Гурию, Самону и Авиву — покровителям брака — молятся о благополучии семейной жизни, святителю Николаю Чудотворцу возносят сугубые молитвы во время путешествий, святому Георгию Победоносцу — в случае военной опасности. Каждый православный также особо прибегает к молитвенной помощи того святого, имя которого носит.

Особенно благоговейным почитанием на Руси пользуется издревле Пресвятая Богородица — «честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим», пример высшей святости, воплощение всех христианских добродетелей. Почти каждое богослужбное прошение (ектения) оканчивается призывом ко всем молящимся, помянув Пресвятую Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми, посвятить себя и всю жизнь нашу служению Христу. Русские верующие благодарят Пресвятую Богородицу за ее неисчислимые благодеяния, величают Ее Путеводительницей, Заступницей усердной, Взысканием погибших, Всех скорбящих Радостью, Нечаянной Радостью и другими прекрасными, исполненными глубокой поэзией и молитвенного благоговения именами.

Основой православного почитания святых являются жизнь и подвиги этих угодников Божиих, прижизненные или посмертные чудеса, связанные с ними, а в некоторых случаях обретение нетленных мощей, то есть не распавшихся костей (в отличие от естественного негления или мумификации тел). На основании специально разработанных положений Церковь принимает решения о прославлении (канонизации) того или иного святого. Канонизованные святые представляют четко очерченный круг в церковном почитании святых. В отличие от прочих усопших, святым служат не панихиды, а молебны. Имена святых поминаются в различные моменты богослужения, наиболее чтимым святым установлены особые праздники, составлены службы в их честь (см.: 1 и 2).

Уже во II веке по Р. Х. (судя по мученическим актам св. Игнатия Богоносца) христианская Церковь употребляла при богослужении жития святых. Русская Православная Церковь унаследовала такую практику из Византии благодаря переводам житий, осуществленным еще в X веке святыми равноапостольными братьями Кириллом и Мефодием, просветителями славян. По древнему уставу Русской Церкви, жития святых читались преимущественно на утреннем богослужении, часто вместо ветхозаветных чтений — «паремий».

Влияние житий святых на умственное и нравственное воспитание народа в Древней Руси было исключительно велико, проповедники слова Божия широко пользовались житиями святых при составлении своих проповедей. Особенно много извлечений из житий святых отцов находим в проповедях святителя Димитрия, митрополита Ростовского, составителя знаменитых «Четых-Миней». Русский народ издавна полюбил и сделал своим излюбленным чтением жития и поучения святых отцов и учителей Вселенской Церкви — Антония Великого, Макария Египетского, Ефрема Сирина, Феодора Студита, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, наряду с житиями святых русских подвижников — Антония и Феодосия Печерских, Сергия Радонежского, Иосифа Волоцкого, Зосимы и Савватия Соловецких и многих других. Интересно отметить, что первыми святыми, канонизованными Русской Церковью, были князья Борис и Глеб († 1015), которые приняли добровольную смерть ради предотвращения кровопролития и получили новое, неизвестное в Византии, наименование страстотерпцев. «Их подвиг не забыт русским народом и образывает по-прежнему любовь и преклонение в русском сердце» (13, с. 110). Жития святых были широко известны во всех слоях русского верующего народа, они входили в состав «Четых-Миней», в которых предлагались живые примеры из русской жизни, близкой и понятной каждому русскому, примеры для подражания, в высшей степени благотворные для нравственного просвещения: «Через чтение житий святых поддерживались и воспитывались в

русских религиозное чувство, память о народных, дорогих для них, преданиях, желание жить по-христиански, православно» (4, с. 23). Отсюда отнюдь не случайная глубокая семантическая разница между словами «житие» и «биография» в русском языке; «житие» применяется к описанию жизни святого угодника Божия, в житии предстает перед нами обретение и раскрытие вечного; биография же — описание временного. «Свят тот, в котором не осталось или почти ничего не осталось от биографии. Житие уподобим «иконе», а биографию — портрету. Житие есть мощи, биография — труп» (12, с. 75).

Привыкнув в храме слышать жизнеописания святых, русский народ и дома, в свободные от мирских занятий минуты, прибегал к душеполезному чтению. Грамотность на Руси, судя по современным историко-археологическим изысканиям, была широко распространена. Таким образом, не только монахи, для которых чтение житий святых составляло постоянное правило, но и простые благочестивые люди имели возможность черпать из этого богатого духовного источника.

В странноприимстве, то есть в гостеприимстве странников и паломников, которое доньше сохранилось в русском народе (см.: Ю. Лошиц. *Земля-именинница*. М., 1979), есть своеобразный ответ весьма распространенного некогда подвижничества, самого рядового и неприметного, но идущего из глубины веков. Достаточно вспомнить древнерусскую повесть об Иулиании Осоргиной, в жизни которой странноприимство и подвижничество тесно соприкасались: она благотворила не только странникам и паломникам, но приняла на себя и заботу о сирых и убогих обитателях маленького города, в котором жила.

Благочестивый русский обычай возжигать свечи и лампы перед иконами также возник не без влияния житийной литературы. В «Четьих-Минеех», например, очень часто встречаются указания на то, что перед иконами и мощами святых следует возжигать свечи и лампы. То же самое можно сказать и о распространенном в народе обычае при некоторых болезнях прибегать к помощи святой воды, сливаемой с креста. Ношение вериг и власяниц, паломничества по святым местам — все эти благочестивые традиции получили широкое распространение на Руси благодаря влиянию житий святых.

В XVIII веке в русском дворянстве стало преобладать увлечение французскими романистами и энциклопедистами, интерес к агнографической литературе заметно упал. Но уже в следующем столетии положение изменилось, к чтению житий святых, к изучению духовной литературы обращались многие выдающиеся деятели русской культуры. В черновиках А. С. Пушкина осталось, например, множество выписок из Четьих-Миней и Пролога, известно переложение им проложного жития преподобного Саввы Сторожевского, нового чудотворца († 3 декабря 1406 г.). Н. В. Гоголь написал «Размышления о Божественной литургии». Ф. М. Достоевский очень любил слушать и читать Четьи-Минеи, влияние которых сказалось в процессе работы над романом «Братья Карамазовы» (образ старца Зосимы и др.).

Нет сомнения в том, что подражание жизни святых исключительно благотворно сказалось на формировании русского национального характера. Этот факт нашел отражение в русской классической художественной литературе. Русская литература, как это не раз отмечалось и западноевропейскими исследователями, неизменно утверждала высшие нравственные ценности, призывала к подвигу веры и любви, к отречению от эгоизма, к самоотверженному служению людям, то есть провозглашала основополагающие принципы христианского гуманизма. «Человек, устраивающий свои личные дела, взятый в качестве национального героя, человек, «срывающий цветы наслаждения» в качестве положительного типа, которому надо следовать и подражать, — это нечто до такой степени дикое и невозможное для русской литературы, что об этом даже и вопрос никогда не поднимался. Русский человек всегда имел в качестве идеала — инока, служащего верховному идеалу» (В. Н. Ильин). Отсюда душевная красота и доброта, удивительная открытость, «всемирная отзывчивость», которая отличает героев Пушкина и Тургенева, Достоевского и Лескова, Бунина и Шмелёва. Лучшие образы, созданные этими писателями, — лишь подражание идеалам русской святости.

В наше время, однако, было бы неосмотрительно противопоставлять, подобно К. Леонтьеву, святость как древнерусский идеал и честность как идеал западноевропейский, хотя в таком противопоставлении и есть своя правда. «Русь святая лишь в том смысле, что бесконечно почитает святых и святость, только в святости видит высшее состояние жизни, в то время как на Западе видят высшее состояние также и в достижениях познания или общественной справедливости, в торжестве культуры, в творческой гениальности» (11, с. 75).

Считая русскую религиозность по преимуществу «женственной», национально-стихийной, исполненной «коллективной биологической теплоты, переживаемой, как теп-

лота мистическая» (11, с. 10), Н. А. Бердяев справедливо отмечал, что русские верующие люди в своей религиозной жизни «возлагаются на святых, на старцев, на мужей, в отношении к которым подобает преклонение» (там же). Но он ошибался, когда утверждал далее, что в этом преклонении отсутствует желание подражать святым, их внутреннему духовному пути, стремление стяжать у Бога дары благодати; еще более он ошибался (но об этом можно говорить только сейчас, ретроспективно), подчеркивая, что русский человек хочет святости лишь в жизни абсолютной, но пассивно мирится со всякой несправедливостью и всяким неблагообразием в жизни относительной (земной).

Отнюдь нет. Русскому народу в высшей степени присущи такие черты, как правослабие, стремление к устроению справедливого общества на земле. Здесь глубокая антинomia, которая коренится в метафизических основаниях самой жизни, в дуализме земного и небесного. Подвиг святости — венец христианской жизни, подражать ему трудно, ибо это есть подражание Самому Христу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архимандрит Леонид (Кавелин). Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще- и местночтимых. СПб., 1891.
2. Васильев В. История канонизации русских святых. М., 1893.
3. Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. Сергиев Посад, 1894.
4. Яхонтов Александр. Жития святых, как образовательно-воспитательное средство, и их значение для русской школы с древнейших времен. Симбирск, 1898.
5. Архимандрит Никон. Православный идеал монашества. М., 1902.
6. Соколов Н. М. Русские святые и русская интеллигенция. СПб., 1904.
7. Священник Павел Левашев. Зачем так много у нас обрядов? СПб., 1906.
8. Флоренский Павел. О типах возрастания. — Богословский вестник, 1906, № 7, с. 530—568.
9. Федоров Н. Ф. Философия Общего Дела, т. 2. М., 1913.
10. О цели христианской жизни. Беседа преподобного Серафима с Н. А. Мотовиловым. Сергиев Посад, 1914.
11. Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1918.
12. Ильин В. Н. Иночество и подвиг. — Путь, 1926, № 4, с. 72—87.
13. Зърнов Н. М. Вселенская Церковь и русское Православие. Париж, 1952.
14. Соловьев В. С. Духовные основы жизни. Брюссель, 1953.
15. Федотов Г. П. Святые Древней Руси (X—XVII ст.). Нью-Йорк, 1959.
16. Иеромонах Иоанн (Кологривов). Очерки по Истории Русской Святости. Брюссель, 1961.
17. Протонерей Сергей Булгаков. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Париж, 1964.
18. Архиепископ Воронежский и Липецкий Михаил (Чуб; † 1985). Духовность Православия в выдающихся его представителях. — Богословские труды, сб. 10. М., 1973, с. 117—120.
19. Профессор протонерей Александр Ветелев. Царство Божие. — Богословские труды, сб. 14. М., 1975, с. 62—76.
20. Священник Павел Флоренский. Из богословского наследия. — Богословские труды, сб. 17. М., 1977, с. 87—248.
21. Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 1981.
22. Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л., 1985.
23. Митрополит Киевский Иларион (XII в.). Слово о законе и Благодати. — В сб. статей; Культура как эстетическая проблема. М., 1985, с. 105—121.